

справедливими. Ісламський фемінізм в першу чергу спрямований на розвиток солідарності саме між жінками–мусульманками, що мають загальний досвід і подібні завдання. Одна з глав книги Хаджар так і називається: «Уміння сказати «ні» універсалізму». Під універсалізмом тут розуміється ідеологія неоколоніалізму, нав'язування свого впливу, в тому числі і у вигляді готових ідеологічних форм. Але, з іншого боку, як пише Кук, «...західні цінності ... повинні розумітися неупереджено, беручи до уваги їх і негативні, і позитивні сторони» [1, р. 46]. Хаджар наполягає «провести чітке розмежування між культурою і насильством проти жінок» [3, р. 12], оскільки в деяких консервативних ісламських країнах є тенденція підносити протидію прав жінок як захист соціальних традицій або релігійних переконань. Така постановка питання для ісламського фемінізму, звичайно, є неприйнятною.

Таким чином, ми можемо зробити висновок про те, що роботи авторів, які вважають себе послідовниками ісламського фемінізму, аж ніяк не відтворюють західні зразки. Вся їх увага прикута до своєї ідентичності, до своєї культури, до коректної інтерпретації текстів своєї релігії. Ніхто з них не висловлює ніякої зневаги або неповаги до ісламу, навпаки, вони бачать в ньому передову релігію, творчий і гуманістичний потенціал. Будучи релігією рівності і солідарності, іслам не повинен служити посиленню влади еліт і придушення індивідуальності одних людей на користь інших – в тому числі й в галузі гендерних відносин.

Список використаних джерел

1. Cooke Miriam. Women Claim Islam. – New York: Routledge, 2001. – P. 27, 32, 51.
2. Mernissi Fatima. The Veil and the Male Elite: A Feminist Interpretation of Women's Rights in Islam. – Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1991. – P. 13, 98, 18, 124.
3. Hajjar L. «Religion, State Power and Domestic Violence in Muslim Societies: A Framework for Comparative Analysis». – Law & Social Inquiry, 29 (2004). – P.1–38.
4. Коран, 4:34. // Koran, 4:34.
5. Engineer Asghar A. The Rights of Women in Islam. – London: Hurst and Company publishing house, 1982. – P. 59. 62.
6. Tauyab B. «Idealising Harem: In Service of French Feminist Theory» // The International Journal of the Humanities. – Vol.5, iss.1. – P.177–182.
7. Al-Hibri A. «Redefining Muslim Women's Roles in the Next Century», in Democracy and the Rule of Law. – Congressional Quarterly, 2001. – P. 33, 21–22.
8. Фатхі Х. «Гендер, освіту і права жінок в мусульманському контексті: приклад Узбекистану», Гендерна освіта і права жінок в мусульманському контексті. Гендерна програма посольства Швейцарії. – Ташкент, 2009. // Fathi H. «Gender, osvitu i prava zhinok v musul'mans'komu konteksti: pryklad Uzbekystanu», Genderna osvita i prava zhinok v musul'mans'komu konteksti. Genderna programa posol'stva Shvejcarii'. – Tashkent, 2009.
9. Badran M. Between Secular and Islamic Feminisms: Reflections on the Middle East and Beyond / M. Badran // Journal of Middle East Women's Studie. – 2005. – №1. – P.6–29.

Gladchenko S. V., candidate of historical sciences, associate professor, Department of social work of the Institute of innovative and postgraduate education, Odessa National University named after I. I. Mechnikov (Ukraine, Odessa), vesta_odessa@mail.ru

Chernih I. D., candidate of historical sciences, assistant professor of world history, Odessa National University named after I. I. Mechnikov (Ukraine, Odessa)

Feminism in the Arab world: the assessment and the historical realities

The purpose of this article is to acquaint with some basic ideas of the most influential and interesting authors, working in the tradition of Islamic feminism. The author defines the concept of urgency and insists interpretation of this issue. In the

main idea it is that the phenomenon of Islamic feminism appeared at the end of the last century, and its main disadvantage is the rejection of the term due to the fact that this period was considered through the adoption of European standards. The author provides examples that prove that Islamic feminism today is very relevant and implemented taking into account socio-cultural tradition.

Keywords: Islam, feminism, women's rights, gender.

Гладченко С. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы Института инновационного и последипломного образования, Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса), vesta_odessa@mail.ru

Черных И. Д., кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории, Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

Феминизм в арабском мире: оценки и исторические реалии

Целью данной статьи является ознакомление с некоторыми базовыми идеями наиболее влиятельных исследователей, работающих в области исламского феминизма. Автор определяет понятие и настаивает на актуальности этого вопроса. В работе главной мыслью является то, что само явление исламского феминизма появилось в конце прошлого столетия, и главным его недостатком является неприятие этого термина в связи с тем, что он рассматривался в контексте принятия европейских стандартов. Автор приводит примеры, которые доказывают, что сегодня исламский феминизм является весьма актуальным и используется с учетом социокультурных традиций.

Ключевые слова: ислам, феминизм, женские права, гендерные отношения.

* * *

УДК 130

Гасанов Э. Л.,
кандидат исторических наук, Гянджинское
отделение Национальной академии наук
Азербайджана (Азербайджан, Гянджа),
el-hasanov@mail.ru

ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ СВОБОДЫ (НА ОСНОВЕ ПОЭМЫ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ «СЕМЬ КРАСАВИЦ»)

Низами даёт понять, что если властитель не отвечает своему основному предназначению, то грош ему цена. О грехе, подобно сильному онагру, бумерангом вернулась к кровожадному ловцу. Образ Бахрама, как негативного примера прожигателя жизни, в этом плане несёт определённую воспитательную роль. Катализатором событий, которые завершились ожидаемой развязкой, стало «железная» рабыня.

Ключевые слова: женская свобода, кровожадный ловец, властитель.

(статья друкується мовою оригіналу)

Как известно, по охвату глобальных проблем, среди которых смысл мироздания и человеческая жизнь, возможность гармонии между властьюдержащими и народом, связь между обществом и природой, миссия и назначение индивида на земле, придаёт поэмам Низами из «Пятерицы» характер многоплановости и многоценности. Четвёртая поэма из этого цикла «Семь красавиц», явилась прогрессивной вехой как в истории художественной и эстетической мысли Востока, так и в освещении вопросов гендерного равновесия между полами. Поэт–мыслитель не случайно отводит в произведении большое место женским образам, символизирующим как основные части света, так и преимущественную их мудрость в сравнении с мужскими образами поэмы.

Помимо царственных наложниц Бахрам–гура, автор особо выделяет образ одной из рабынь, посвятив ей отдельную часть «Бахрам и рабыня». Идеино–художественный анализ свидетельствует о том, что в сопоставлении с другими женскими образами, способность рабыни. Фитны сеять смуту в мыслях своего

владыки, «идти против течения» ставит безвольную по статусу женщину на ступеньку выше дворцовых вельмож и наложниц.

Кто же такая Фитна? С заметной симпатией поэт описывает любимую рабыню шаха:

Вся – соблазн, имя – Смута, иначе – Фитна,

Весела, очарованьем истинным полна [1, с. 19].

При глубоком почтении этой части поэмы не ускользает от внимания приём художественной контрастности, используемый автором. Антитеза содержится уже в самом названии и содержании: шаха в положение мат поставила рабыня. На первый взгляд может показаться, что здесь повествуется о раблепной, безмолвной и простой рабыне. Веками установленные правила поведения обязывали невольницу именно к этому. Не тут – то было!

Как следует из строк, в имени женщины есть намёк на необузданность энергии, смелость в речах и поступках.

В отличие от прочих «жительниц» дворца, «прихотливая» Фитна обладала природным даром влиять на самозабвенно любящего себя шаха, побуждать его к спору и отстаиванию своей правоты.

Будучи превосходным охотником, каждого пронзённого стрелой онагра Бахрам считал чуть ли не повергнутым противником. Поэтому, упиваясь этим, он требовал от окружающих ликования, хоть и нарочитого. Когда же Фитна весьма хладнокровно отозвалась о его очередной «победе» над несчастным животным, привыкший к подобострастию Бахрам превратился в разъярённого тигра.

Видя её равнодушие даже после того «как он» копытце онагра с тонким ухом «сшил», шах решил проучить рабыню. Стойкая Фитна не дрогнула и перед уничижительной тирадой вскипевшего от злости Бахрама, который не стеснялся в высказываниях в её адрес: «узкоглазая татарка; не видит глаз твой узкий больше ничего?» и т.д. Антропологические данные женщины указывают на восточный генотип описанного образа. Низами Гянджеви, новатор и философ, предвидел, что Восток для человечества – колыбель новых идей, научных открытий и сокровищ художественного творчества.

А Фитна продолжала «играть с судьбой» и подтрунивать над ним:

Ремесло тому нетрудно, кто постиг его.

Тут нужна одна сноровка – только и всего [2, с. 21].

Как видим, Фитна сильна не одними «сладостными напевами». Женщина эта умела манипулировать самолюбием и моральной неустойчивостью Бахрама. Хотя и в ущерб личного благополучия, тёплому месту под солнцем, рабыня в очередной раз пытается перечить шаху.

С точки зрения гендерного равноправия мужчин и женщин, созданная литературным замыслом Низами сюжетная коллизия оказывается отправной точкой, что изменяет ход событий в пользу идейной насыщенности поэмы. Подтекст данной части демонстрирует стремление автора видеть превалирующую роль женщины в социуме, так как она источник новой жизни.

Стойкая Фитна не дрогнула и перед уничижительной тирадой вскипевшего от злости Бахрама, который не стеснялся в высказываниях в её адрес: «узкоглазая татарка; не видит глаз твой узкий больше ничего?» и т.д.

Антропологические данные женщины указывают на восточный генотип описанного образа. Низами Гянджеви, новатор и философ, предвидел, что Восток для

человечества – колыбель новых идей, научных открытий и сокровищ художественного творчества.

Возникает противоречивый вопрос: почему расчётливая женщина в открытую конфликтует с Бахрам–гуром? Ответ на него кроется в авторской цели по созданию образа рабыни. Он выводит его за рамки будничного восприятия, расширяя понятие «прихотливая» [3, с. 44].

В широком смысле, Фитна–рабыня восстаёт против бесправия женщин и тех устоев общества, которые не обеспечивают не только равноправия, но и гармонии в социальных взаимоотношениях полов.

Развернувшиеся далее события представляют этот образ как человека будущего, способного к самоутверждению и активной деятельности в различных областях общественной жизни. Своей несговорчивостью, нежеланием потакать капризам господина Фитна поплатилась многим на целых шесть лет.

На фоне таких качеств характера приложение «рабыня» к её имени звучит диссонансно. На примере Фитны автор иллюстрирует типичность подобной линии судьбы для восточной женщины: готовность к самопожертвованию и лишениям во имя истины.

По жизни рабыня Фитна реализовала заключённый в имени смысл: посеяв смятение в другом, сама прошла через смуту и беспокойства.

Бахрам–гура она поставила в затруднительное положение: казнить или помиловать ту, которой «сладостный напев пронзает сердце»? С кем быть ему? На чью сторону склониться? Неокрепшая душа вечного любовника приняла сторону тёмных сил. И за это шаху ещё придётся поплатиться.

Позже Бахрам–гур осознаёт бессмысленность своей жизни, но печальная концовка неминуема. Он понял, что жизнь «сгорела», все чувства и желания пеплом разлетелись в безбрежных небесах. Поэт ясно даёт понять, что если властитель не отвечает своему основному предназначению, то грош ему цена. О грехе, подобно сильному онагру, бумерангом вернулась к кроваждному ловцу.

Образ Бахрама, как негативного примера прожигателя жизни, в этом плане несёт определённую воспитательную роль. Катализатором событий, которые завершились ожидаемой развязкой, стало «железная» рабыня.

Когда–то купающаяся в лучах счастья и любви женщина в трудной ситуации не сдалась, не пала духом. Тонкий ум и природное чутьё подсказали ей шахматный ход, достойный игры шахов: продолжать жить и совершенствоваться, чтобы доказать мучителю опрометчивость его решений. Она сделала всё, найдя в себе духовные и физические силы, что бы приблизить встречу с ветреным шахом.

Прожив с Бахрамом немало времени, Фитна отлично знала особенности его характера. Ещё в начале размолвки женщина почувствовала бурлящее в сердце шаха смятение, что говорило о скором раскаянии. Недаром говорят, что «в здоровом теле – здоровый дух», т.е. сильная воля и трезвые решения.

Это видно из обращения его к полководцу:

Дерзкую в живых оставлю – не найду покоя.

А убить – женоубийство дело не мужское.

Ещё, видно, не всё потеряно. Понятие чести в данном случае берёт верх над инстинктами. Он перепоручает

«чёрное» дело другому, что также обнадёживало несчастную. Теплящееся в глубине души шаха чувство души к ней и приводит Фитна в качестве одного из доводов, уговаривая старика:

Избранный и за душевный я Бахрамов друг,
Всех рабынь милее я и всех супруг [1, с. 20].

Убеждая старого воюку воздержаться от обязанности лишить её жизни, она оперирует святыми на Востоке понятиями, например: «...не хочешь горя дому своему; беды не твори; на себя крови не бери; не казни меня» и т.д.

Фитна, проявив минутную слабость, пожалела себя, сказав: «Див толкнул меня на слабость...». Но благородность конечной цели придаёт ей неиссякаемую энергию, физические и духовные. Фитна верит, что Бахрам поймёт, примет решение, изменит свою жизнь, а самое главное, повернётся лицом к многострадальному народу.

«Прихотливая» Фитна находит заветный ключик к сердцу и уму нового вершителя её судьбы. Обратите внимание, как ей удаётся постепенное установление доверительных отношений с ним. Совершенствуясь физически, Фитна в тоже время не забывала о моральной мишени: дожждаться покаяния Бахрама. Недаром говорят, что «в здоровом теле – здоровый дух», т.е. сильная воля и трезвые решения.

Если основным аргументом в предстоящей дружбе было мздаимство полководца, то потом между ними возникли взаимоотношения отца и дочери. Видно, он тоже осознал цепкость ума и глубину рассудительности рабыни:

Тайный договор скрепили, жизнью поклялись;
Он от зла, она от ранней гибели спаслись.

Его также восхищала редкая целеустремлённость и трудолюбие Фитны. Ни на минуту не оставляя заботы о своём спасителе, она ежедневно тренировалась:

Женщина молодая, хоть и с малой силой,
Каждый день тельца на кровлю на себе носила.

А Фитна продолжала «играть с судьбой» и подтрунивать над ним:

Ремесло тому нетрудно, кто постиг его.

Тут нужна одна сноровка – только и всего.

Как видим, Фитна сильна не одними «сладостными напевами». Женщина эта умела манипулировать самолюбием и моральной неустойчивостью Бахрама. Хотя и в ущерб личного благополучия, тёплому месту под солнцем, рабыня в очередной раз пытается перечить шаху.

С точки зрения гендерного равноправия мужчин и женщин, созданная литературным замыслом Низами сюжетная коллизия оказывается отправной точкой, что изменяет ход событий в пользу идейной насыщенности поэмы.

Подтекст данной части демонстрирует стремление автора видеть превалирующую роль женщины в социуме, так как она источник новой жизни.

Позже Бахрам–гур осознаёт бессмысленность своей жизни, но печальная концовка неминуема. Он понял, что жизнь «сгорела», все чувства и желания пеплом разлетелись в безбрежных небесах. Поэт ясно даёт понять, что если властитель не отвечает своему основному предназначению, то грош ему цена. О грехе, подобно сильному онагру, бумерангом вернулась к кровожадному ловцу. Образ Бахрама, как негативного примера прожигателя жизни, в этом плане несёт определённую воспитательную роль.

Катализатором событий, которые завершились ожидаемой развязкой, стало «железная» рабыня.

Когда–то купающаяся в лучах счастья и любви женщина в трудной ситуации не сдалась, не пала духом. Тонкий ум и природное чутьё подсказали ей шахматный ход, достойный игры шахов: продолжать жить и совершенствоваться, чтобы доказать мучительно опрометчивость его решений. Она сделала всё, найдя в себе духовные и физические силы, что бы приблизить встречу с ветреным шахом.

Совершенствуясь физически, Фитна в тоже время не забывала о моральной мишени: дожждаться покаяния Бахрама. Недаром говорят, что «в здоровом теле – здоровый дух», т.е. сильная воля и трезвые решения.

Список использованных источников

1. Бертельс Е. Э. Избранные труды / Е. Э. Бертельс. – М., 1999. – 340 с.
2. Гянджеви Низами. Семь красавиц / Низами Гянджеви. – Баку: Язычы, 1983. – 289 с.
3. XX век. Женщины Азербайджана. – Баку, 2003. – 478 с.
4. Акунова Л. Ф. Материаловедение и технология производства художественных керамических изделий: учеб. пособие / Л. Ф. Акунова, С. З. Приблуда. – М.: Высшая школа, 1979. – 216 с.
5. Hasanov E. L. About fundamental studies on local cultural traditions of Ganja / E. L. Hasanov // European Journal of Natural History. – 2013. – №3. – P.65–68.
6. Taylor P. M., Hasanov E. L. Ethnological features of cultural heritage of Ganja (On the basis of Mahsati Ganjavi's creation) / Taylor P. M., Hasanov E. L. // International scientific journal Theoretical & Applied Science. – 2013. – №12 (8). – P.41–44.

References

1. Bertel's E. Je. Izbrannye trudy / E. Je. Bertel's. – M., 1999. – 340 s.
2. Gjandzhevi Nizami. Sem' krasavic / Nizami Gjandzhevi. – Baku: Jazychy, 1983. – 289 s.
3. XX vek. Zhenshchiny Azerbajdzhana. – Baku, 2003. – 478 s.
4. Akunova L. F. Materialovedenie i tehnologija proizvodstva hudozhestvennykh keramicheskikh izdelij: ucheb. posobie / L. F. Akunova, S. Z. Pribluda. – M.: Vysshaja shkola, 1979. – 216 s.
5. Hasanov E. L. About fundamental studies on local cultural traditions of Ganja / E. L. Hasanov // European Journal of Natural History. – 2013. – №3. – P.65–68.
6. Taylor P. M., Hasanov E. L. Ethnological features of cultural heritage of Ganja (On the basis of Mahsati Ganjavi's creation) / Taylor P. M., Hasanov E. L. // International scientific journal Theoretical & Applied Science. – 2013. – №12 (8). – P.41–44.

Hasanov E. L., candidate of historical sciences, the Ganja branch of the National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan, Ganja), el-hasanov@mail.ru

On the study of the problem of women's freedom (based on the poem of Nizami Ganjavi's «Seven Beauties»)

Nizami makes it clear that if the ruler does not meet its main purpose, the penny it cost. Of sin, like a strong onager, boomerang bloodthirsty returned to catcher. The image of Bahram as a negative example playboy, carries a certain educational role in this regard. The catalyst for the events that culminated in the expected outcome, was the "iron" slave.

Keywords: women's freedom, bloodthirsty hunter, ruler.

Гасанов Е. Л., кандидат історичних наук, Гянджинське відділення Національної академії наук Азербайджану (Азербайджан, Гянджа), el-hasanov@mail.ru

Про вивчення проблеми жіночої свободи (на основі поеми Нізамі Гянджеві «Сім красунь»)

Нізамі дає зрозуміти, що якщо володар не відповідає своєму основному призначенню, то гріш йому ціна. Про гріх, подібно сильному онагру, бумерангом повернувся до кровожадного ловцю. Образ Бахрама, як негативний приклад марнотратника життя, в цьому плані несе певну виховну роль. Катализатором подій, які завершилися очікуваною розв'язкою, стало «залізна» рабыня.

Ключові слова: жіноча свобода, кровожадний ловець, володар.

* * *